

ДЕНИС СТАРЫЙ

ДУСЬ
НЕПОКОРЕННАЯ
ВОЕВОДА

Денис Старый

Русь непокоренная 3. Воевода

«Автор»

2026

Старый Д.

Русь непокоренная 3. Воевода / Д. Старый — «Автор», 2026

Очнулся — снег чёрный, тела на площади, вороны рвут плоть Рязань сожжена. Татарва ушла, но их псы-кипчаки добирают уцелевших. А рядом ребёнок с белыми волосами зовёт меня по имени. Говорит, я — ратник Ратмир, что обещал защитить его родных. Я? Вчера я жил в совсем иной эпохе. Сегодня — голый среди мёртвых, но с чужим телом и чужой памятью. Что делать? Ответ один. Русские не плачут, русские бьются. Я поднял меч, собрал вокруг себя тех, кто уцелел, и впервые понял — моё время теперь здесь. Татары думают, что Русь уже покорена. Они ошибаются. Я здесь не для того, чтобы умереть вместе с Рязанью. Я здесь, чтобы начать освободительную войну.

© Старый Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Денис Старый

Русь непокоренная 3. Воевода

Название: Русь непокоренная 3. Воевода

Автор(-ы): Денис Старый

Глава 1

Островное.

29 января 1238 года

А вечером началось веселье. У всех, кроме молодожёнов. Нам категорически возбранялось что-либо есть. Мало того, если гости не спросят, то мы даже не имели никакого права разговаривать. Лишь ходили держась за руки, завязанные полотенцем, называемым ручником.

Сперва собралась братия. С криками и с похабными шутками, мы, молодежь, катались вокруг острова на санях. Был даже момент, когда стал потрескивать лед. Но это только раззадорило людей.

Три круга на санях сделали, а потом вся эта толпа отправилась к кибитке. К той, где все это время все еще ночевала Танаис.

— Ай и хозяйка-то какая! Как чисто в горнице прибрано. Свезло же сужанному ее! – громче всех причитала, театрально всплеснув руками, Акулина.

Если когда-нибудь надумаю создать театр, то я знаю, кого назначать главной актрисой. Да и хударюком она будет знатным. Быстро вся процессия ходила хвостиком за Акулиной, лишь вторя ее выкрикам.

Понятно, что это все неправда. Ну не было никакой горницы у Танаис, которую она могла бы прибрать. Да и в кибитке ее, если уж честно говорить, был не идеальный порядок. Брал я жену явно не из-за того, чтобы в доме была чистота и уют. Уютной для меня была бы Беляна. Но разве в этом, в быте, счастье? Пока я считаю, что, нет. А там посмотрим.

А после вся эта “санипедемстанция” отправилась смотреть мой дом. Там была идеальная чистота, ну насколько это возможно в подобных помещениях. Пыль даже протер накануне с лавок, шерстяная ткань была идеально, по-солдатски, заправлена на кровати. Посуда вымыта, сложена.

— Вот же! Хлев свиной, а не изба! – кричала стерва Акулина.

— Хозяйки не хватает доброй тут! – подхватывали другие.

Признаться, так даже было несколько обидно. Чисто тут. Зуб даю, что не вру. Ну тот зуб, который ни с того, ни с чего, к вечеру разболелся. Наверное, это высшие силы мне “подарили” зубную боль, чтобы день идеальным не казался.

— Что? Зуб? – ко мне, стоящему у входа в свою избу, но не имеющему права по обряду туда заходить, подошла Ведана.

— Угу! – сказал я.

— На! – пожевав какие-то травы во рту, передала жеванку мне ведьма.

Было брезгливо принимать такое вот “лекарство”, только что вышедшее с конвейера производственного цеха у Веданы во рту. Но я не первый, кто зубами мается. И у всех боль моментально проходила, как только они обращались к ведьме.

Так что взял и языком поправил жеванные травы, направляя их на больной зуб. Почти мгновенно острая боль стала тупеть.

— Спаси Христос, – искренне поблагодарил я ведьму.

У кого была острая зубная боль должны понять меня, насколько же блаженство, когда она вдруг прекращается.

— Могу взвар травяной дать, кабы молодая была мужем своим довольная. Буде торчать, как у коняки! – всерьез сказала Ведана.

— Не уж, – улыбнулся я. – У меня и так...

— Ну как знаешь... – пожала плечами ведьма, и обратилась уже к Акулине, которая явно заигрывалась. – А ну, Акулька, кончай уже красоваться. За столы пора!

Это предложение было поддержано куда как активнее, чем то, что хотела Акулина сделать. Эта стерва предлагала выкинуть часть вещей из моего дома, чтобы потом новая хозяйка сама определила, где что в доме лежать должно.

И без того, трех кур запустили мне в дом. Нагадят же! Но так нужно! Мол, чтобы дом был полная чаша.

Застолье было на улице, под навесом, так что морозящий снег с дождём нам особо не мешал. Пришлось навес удлинять, быстро сладить ещё три стола, чтобы все, кто находился в Островном, имели возможность сесть за стол.

Гости, если так эту саранчу называть, пили, ели, веселились. Казалось, что никакой войны нет, что мы не готовимся к противостоянию с ордынцами. Но у многих из присутствующих людей, может, и почти у всех, на этой войне погибли родичи, но вопреки всему, люди смеялись и веселились.

Здравицы лились одна за одной. И... я не выпил ни глотка. Наша задача с Татьяной, а теперь ни кая она не Танаис, была в том, что бы мы вставали, кланялись, брали один на двоих кубок с медом и... ставили его на место. При этом возле нас было все самое вкусное. Даже зажаренный поросенок стоял напротив и от его аромата, да еще чуть с дымком, кружилась голова. А есть нельзя и точка.

Хотелось послать всех к Лешему или до кикимор, причем уверен, что Акулина стала бы у этих болотных жительниц предводительницей. Вот только, дело двигалось к уходу молодых в отдельную горницу. Вернее, в дом.

— Будет всем! – слово взял Глеб Вышатович.

Он на свадьбе был за отца Танае. Именно ему и нужно было определить, когда же молодые отправятся “супружничать”, что означало... Да понятно, что это означало. Того я большую часть дня и ждал с нетерпением.

— Пушай молодые идут, да кабы жизнь новая зародилась, – провозгласил Глеб Вышатович и гости еще громче стали выражать свою радость.

Видимо, Глеб отпустил ситуацию. И даже сам убедил себя, что все, что происходит – правильно.

А после мы оказались у меня дома. На кровати была разложена шкура не так давно убитого медведя. На ней лежала плётка, три серебряные гривны. Чуть в стороне, на небольшой полке, лежала варёная курица, каравай хлеба. Там же стояла веточка, на которой были повязаны красные ленточки.

Я уже знал, что эту веточку нужно будет скоро предъявить людям как символ первой брачной ночи. И ночь эта должна состояться именно на шкуре медведя, чтобы ребёнок, который будет зачат, был сильным, как хозяин леса.

Медленно, глядя мне прямо в глаза, Танаис начала снимать с себя сперва шубу, а потом и то платье, в которое её обряжали бабы. Это платье словно было создано для первой брачной ночи, так как я и не заметил, как оно уже упало на камыш, которым был устлан земляной пол.

Там, за пределами нашего маленького мира, ограниченного домом, продолжалось веселье, звучали скабрёзные шуточки, как именно молодой должен «пользовать молодую». Если бы я такое услышал в какой иной момент, то мог бы выйти и дать в морду задорным шутникам. Но не сейчас.

Одетый и даже всё ещё в сапогах, я сел на шкуру медведя, вытянул вперёд ноги. Обнажённая, желанная, с точеной фигуркой, с волосами, спадающими на часто вздымающуюся грудь... Черные, растрепанные локоны любимой женщины чуть прикрывали увлекающие меня прелести. Грудь моей жены казалась не пропорциональна на вид хрупкому телу. Немалого размера, идеальной формы. И как она ужимает в своих одеждах такую прелесть?

Танаис подошла ко мне. Каждый ее шаг отдавался ударом моего сердца. Я был в предвкушении. Она встала на колени, продолжая смотреть мне прямо в глаза. Я взял в руку плётку. Жена склонила голову.

Резко замахнувшись, я притормозил свёрнутую плеть прямо у её спины, лишь только чуть ударяя рукоятью по гладкой коже спины супруги. Я бы предпочел рукой погладить спину, не только ее. Но... Да сколько же еще обрядов должно пройти прежде чем!..

— Покоряюсь тебе, муж мой, — тихим голосом произнесла Татьяна.

Я отбросил плётку в угол. Она, не вставая с колен, поползла за плетью. Казалось, что мой язык сейчас, как у той собаки, вывалится, когда я наблюдал за ползущей на четвереньках женой. Как же я хотел сейчас... Но оставалось лишь немного времени, пока я буду в полном праве обладать этой женщиной.

Она принесла мне плеть, протянула её, вновь склонив голову. Я взял плётку, взамен дал жене одну серебряную гривну. Словно бы ударил её, вновь откинул это орудие унижения, но обязательный атрибут свадебного обряда.

И это хорошо, что мне всё-таки удалось уговорить всех остальных, что не должно быть свидетелей всему этому. Не мог я позволить, чтобы такую истинную красоту хоть кто-то ещё видел. Как же она хороша! Какая гибкая!

Действо повторилось три раза.

— Дозволь разуть тебя, муж мой, — сказала это она, а к горлу моему подступил ком, и я лишь только прохрипел:

— Дозволяю.

Не без труда, но сапоги были сняты. Но и это не всё...

Я подошёл к курице, разломал её напополам, отчего бульон из птицы закапал на пол. Одну половину оставил себе, другую передал жене. Продолжая смотреть друг другу в глаза, мы стали есть.

Впервые за этот день. Я был голодный, но все же иной голод довлел над моим сознанием больше. Вот только пока еще нельзя... После я преломил хлеб, но от него мы только лишь отщипнули мякиша. Нам ещё предстояло осчастливить лошадь и корову, отдав им остатки хлеба. Чтобы домашние животные родили хорошо.

А потом... Я увлёк за собой ту женщину, которую жаждал всем своим сердцем. Да нет же, всеми частями и внутренностями своего тела. Мы целовались, обнимались, не могли насытиться друг другом, исследовали каждый уголок наших тел. Это было сумбурно, словно бы не могли насладиться друг другом, но старались. Мои руки скользили по гибкому телу Тани, ее по моему телу. Поглаживания не прекращались, а порой мы сжимали некоторые оконечности друг друга.

Я не помню... Я не знаю... Были ли когда-нибудь у меня такие эмоции. Но в голове — просто какой-то туман, пелена, и...

Взмокшие, мы одновременно упали на спины, держась за руки, глядя в потолок.

— Тебе было больно? — может быть, только минут через пятнадцать спросил я.

А может быть, прошла всего минута, а, возможно, прошёл и целый час, так как чувство времени и пространства всё ещё не возвращалось. Голова слегка кружилась, наверное эмоции заставили мой организм выплеснуть столько гормонов, что еще нужно время, чтобы хоть немного прийти в норму. И если получится... Так как я того не осознавая, уже отправил свои руки к впалому животу своей жены. Немного еще все же нужно откормить. Так, чуточку.

— Мне было хорошо. И я знаю, что потом будет ещё лучше, — очень дипломатично ответила Танаис.

— Можно это “потом” не откладывать, — сказал я, нависая над женой.

Никогда не откладывай то, что можно сделать сегодня! И почему я этой истине не последовал, когда только увидел Танаис?

А потом мы оделись. Ну как? На ночные сорочки накинули шубы. Первой из двери дома показалась не моя жена и не я. Первой была веточка, увешанная красными лентами.

Стоящие у двери люди взорвались различными выражениями радости и счастья. Они ждали, когда это произойдёт. Дождались. Теперь им можно возвращаться к столам и доедать всё то, что ещё осталось, допивать то, что ещё не успели выпить.

Ну разве на этом всё закончилось?

— Пошли, молодая, в баню рыбу ловить, как бы счастья много вы словили в жизни своей, да жили сытно и в достатке, — будучи в одной лишь нижней рубахе, сказал Макар.

Вот этот момент мне больше всего не нравился. Но объясняли, что никак нельзя иначе: один из старых мужиков должен был попарить мою жену. Это если нет “справжного” парильщика. Макар должен накинуть на Таню несколько раз сеть. Всё это должно происходить в бане, в мыльне.

Все десять минут, за которые проходило всё действие, я стоял у бани и переминался с ноги на ногу. Чёртовы обряды. И мне, тому, который провозгласил себя воеводой, который глава поселения, эти правила необходимо исполнять. Ведь люди в них верят.

И когда дверь отворилась, я, как вихрь, влетел в баню, крутя головой и осматривая, что же здесь произошло. Ревнивый я? А может быть, и так. Собственник я? Скорее всего.

По центру затопленной бани, в дымке, стояла моя жена.

— Никому не говори, что девку я не раздел, — шепнул мне Макар.

Да, она была в ночной рубахе, хотя взмокшая, и все прелести жены, которые я хотел бы скрывать от любого мужчины, их очертания были отчётливо видны. Манили меня. Ведь я словно бы забыл все то путешествие по, казалось бы, незабываемым частям тела моей жены. Заново и заново буду хотеть исследовать это великолепие.

Я тут же скинул с себя шубу, стянул порты, рубаху, приблизился к своей супруге. Она уже была обнажённой.

Через какое-то время, распаренные, довольные, мы лежали на лавке, обнявшись и поглаживая друг друга. Нет, теперь я точно в этом уверен: таких эмоций я не испытывал никогда.

* * *

Воодушевление и вдохновение от того, что я сейчас собираюсь сделать, зашкаливало. Или удовлетворение от хорошей идеи и от того, что она уже воплощается в жизнь, еще и наложились семейное счастье. Как бы не спутать реальность с выдуманными грёзами. Всё-таки у нас война. И скоро новый вызов, когда отправимся на Круг бродников.

Много новинок, большой рывок вперед мы совершаем в технологиях. От этого кругом идет голова. Это же такой шанс для Руси встать выше всех остальных держав. Быть родоначальницей военной моды и тактик. Все можно... Отбиться бы от ордынцев – и вперед, на новый виток своего развития.

И даже не хотелось думать о том, что общество к таким технологиям не готово, и что на Руси отнюдь не совершенная система управления.

И я ходил от одной мастерской к другой. Смотрел и радовался, что многое работает, получается. Но... все равно меня тянуло в дом, в лес, да хоть бы куда, но с Танькой. Нам уже и холод не помеха, а только задору больше. Такого азарта и тяги жить и любить у меня не было за всю мою прошлую жизнь. Как же я мог лишиться себя подобных эмоций? Но, ничего, в этой жизни наверстаю.

Мы с Таней сегодня с утра поговорили и решили, что нужно заниматься делами более плотно. Нет, я дел не оставлял. Но всегда тягал за собой Таню. А теперь она решила упражняться в верховой езде, в стрельбе из лука. Пусть. В этом вся она. В том числе и за такой характер я ее полюбил.

С мыслями об одной женщине, я общался с другой. По делу...

— Сделаю, чего же не сделать, — отвечала мне Любава. — Ты токма Лучанку моего не отправляй!

Вот умеют женщины одной своей фразой сразу сбить всё настроение.

— Не могу не отправить его. Обязательно отправлю. Многое нам нужно приобрести у генуэзцев. А кто лучше его договорится об этом? Иные отправятся кто куда. Ты же не беспокоись о том, что Андрей уходит с десятком в Козельск? — говорил я.

— Сделаю стяги, ну тогда сильно позже, — резко отвернув голову, демонстрируя обиду, сказала Любава.

— Ты это сделаешь за два дня. И уж точно с этими стягами мы должны будем идти на Круг бродников. Поняла ли ты, Любава? А что до Лучанки, и что свадьбу вашу никак не сыграем, так пусть сходит к своим генуэзцам, наладит нашу торговлю с ними, а уже опосля... Даже если он веру иную не примет, всё едино вас обвенчаем. Мы с Татьяной тоже не в церкви венчались, — сказал я, вспомнив жену.

Стал искать её взглядом. Куда это она запропастилась? Да ладно, погуляет кошка, но домой вернётся ночевать...

Запирать Танаис в том сравнительно убогом жилище, что у нас есть, конечно же, я не собирался. Она мне приглянулась, и влюбился я в свободолобивую девушку, в личность. И полностью покорять её своей воле не хочу.

Я насторожился, когда не увидел свою любимую молодую жену за обеденным столом. Нет, я уже стал волноваться.

— Волк, — позвал я молодого воина.

Он как раз разгорячённый проходил мимо, возвращался с тренировки. Доволен был. Я узнавал: рязанские ратники высоко оценивают рвение, напористость и выносливость парня. Но что касается боевых навыков, то при наличии перечисленных мной человеческих качеств эти навыки непременно будут освоены.

— Где в последний раз ты видел Татьяну? — спросил я у Волка.

— Так с этим, братцем своим Альтаиром, на лесное стрельбище ушли, — пожал плечами Волк и уже намеревался быстрее занять своё место за столом, облизываясь и не отрывая глаз, гипнотизируя порцию еды.

— Тревога! — прокричал я и ещё до конца не осознал, почему именно.

Но чуйка завопила необычайно остро. С Альтаиром она ушла! Нет, это не ревность с моей стороны. Это я вспомнил те глаза и то выражение лица, когда этот половец, пошедший за Танаис куда глаза глядят, причём не его, а девушки, был вынужден признать, что она моя.

По всему видно, что он какую-то глупость удумал. Найду, убью. Брат, мля.

— Всем ратным прочесывать лес. Пропала жена моя. Кто найдёт её — просьбу того я выполню в первую очередь! — кричал я, обходя столы, к которым подходили работники и возле которых суетились сразу десять женщин и девушек-подростков, расставляя немудрёную посуду с порциями еды.

— Что случилось? — весёлый, с румянцем на лице, ко мне подошёл Евпатий Коловрат.

Интрижка, а может быть и что-то серьёзное, с Земфирой волшебным образом стала влиять на Евпатия. Он вернулся к жизни, был часто задумчивым, но с глупой улыбкой на лице. Так что это одна из причин, по которой я ни в коем случае не стану вмешиваться в любовный треугольник. Уверен, что Коловрат теперь своего, свою, не отдаст. И затевать большую свару внутри общины никак не с руки. А Лепомир... С ним отдельно порешаем. И что-то мне говорит, что не будь Евпатия, Земфира нашла кого иного, но не своего мужа.

Я бежал на стрельбище, где должна была быть Таня, впереди всех.

— Никого! — кричал я, когда прибыл на место.

И тут я увидел капли крови и изрядно примятый снег в одном из уголков стрельбища, у массивной сосны, к которой прибито соломенное чучело.

— А-а-а! — прокричал я, надрывая свои голосовые связки.

Глава 2

Островное.

4-8 февраля 1238 года

Внутри все закипело. Нашлось среди бушующего урагана эмоций даже и капелька ненависти к самой Танаис, нынче прозываемой Татьяной. Ну зачем она появилась здесь? Зачем прямо сейчас делает меня слабее? Ведь я вынужден всю свою власть использовать, чтобы её искать.

Но эта эмоция в срочном порядке была перекрыта множеством других.

— На пять шагов друг от друга станьте и линией углубляйтесь в лес. Перекрикивайтесь, смотрите друг за другом, чтобы не потеряться! Десятку следовать за мной, — отдал я приказание, а сам, вопреки всем правилам, которые сейчас и озвучил, рванул в лес, углубляясь в чащу.

Из меня плохой следопыт, но капли крови показывали направление. На лоскуты порежу половца! А ведь он ещё вчера все братом меня называл, как будто по-настоящему жаждал нашего примирения. Зубы, гнида, заговаривал.

Я бежал так, как, наверное, никогда в своей жизни не бегал, не припомню, чтобы в прошлой был столь мотивирован во время пробежки. Ноги будто бы сами несли вперёд, а организм решил не беспокоить хозяина и не включать никакие дополнительные рецепторы, нервные окончания, сообщающие об усталости или боли.

Там, за мной, бежали и другие люди, но они уже отставали не меньше чем на пятьдесят шагов, что для леса очень прилично. И ничего меня не волновало, кроме скорости передвижения. Я даже лишь только мельком посмотрел в сторону дикой свиньи, которая своим пяточком разрывала землю, выискивая пропитание.

Мне, наверное, надо было насторожиться, но зверь будто бы почуял, насколько я решителен, и свинья посчитала необходимым самой ретироваться.

С два километра, не меньше, уже пробежал, когда след был потерян, крови больше не было, и вдруг я увидел небольшую и тонкую красную ленточку на голом кусте.

— Моя ты хорошая! — сбитым дыханием прорычал я, ещё больше ускоряясь, хотя казалось, что это невозможно.

Пробежав ещё метров семьдесят, я увидел её... Танаис прислонилась к дереву, прикрывая руками нос, из которого сочилась кровь.

— Где он после? — спросил я, крутя головой в разные стороны.

Меча с собой не было. Но я тут же выхватил нож.

— С час назад ушёл, — сказала Таня.

Она умоляюще посмотрела на меня и разбитыми губами произнесла:

— Прошу тебя, не догоняй его, не убивай его. Одна вина у него в том, что любил меня.

— А вот это я уже сам решу! — жёстко сказал я. — И дальше ты будешь находиться рядом со мной. Я не могу позволить себе потерять тебя.

Вот такое вот получилось у меня нелепое и противоречивое признание. Вроде бы и в любви признавался, но можно это было счесть и за элемент семейной тирании.

Но в самом деле, что это за такой Стокгольмский синдром проснулся у Тани? Когда испытываешь притяжение к преступнику, который над тобой издевался. Видно же, что между ними произошла драка, и он осмелился ударить женщину... Мою женщину!

— Лихун, Жирята, найдите мне его. И не вступайте в ближний бой. Просто убейте с лука ли, с арбалета! — приказывал я.

— Прошу тебя, не надо, — продолжала умолять Татьяна.

Я всё-таки решил немного объяснить, что, кроме того, что я хотел отомстить Альтаиру за то, как он поступил с моей женой, есть ещё одна сторона дела.

— Таня, а ведь он будет злым на нашу общину. На тебя, на меня, на всех. И так не оставит, он пойдёт к ордынцам и расскажет о том, что мы уже сделали. Алтаир был же на той засаде, где мы монголов били. И тогда сюда придёт отряд, а мы ещё не готовы, — объяснял я.

Объяснял, но видел, что у нас назревает первая семейная ссора. Что ж, без ссор не бывает примирений, и если я хочу, чтобы жена не была только лишь покорной, нужно и прогнозировать ссоры. Главное, только не запускать другие дела.

Отказавшись от моей помощи, как только перестала течь кровь носом, Таня встала, и мы пошли к поселению. Молча, как враги. Лишь только небольшая группа нашей молодёжи, возглавляемая Лихуном, продолжила преследование преступника.

К величайшему моему сожалению и к позору молодёжи им не удалось настигнуть Алтаира. Я думаю, что выловить его было бы несложно, он вряд ли оказался таким быстрым да и в лесу хорониться для степняка сложно. Алтаир, вероятно, нашёл укрытие и переждал, когда пройдут русичи, а потом переждал ещё раз, когда они будут возвращаться несолоно хлебавши.

Вот так вот, значит, день начинался солнечным утром с очередных успехов, достижений, а сейчас небо нахмурилось, покрылась грозowymi облаками. Хмуро было и в моём доме, где ещё прошлой ночью искрила от эмоций и различных форм выражения любви.

Этот период нужно пройти. Год-два минёт, муж и жена научатся друг другу уступать, распознавать, когда стоит промолчать, когда можно и высказать свою точку зрения. И вот такой союз, кажется, хотя я не так уж чтобы и имел много опыта общения с женщинами, но всё же этот союз наиболее прочный.

Спали на одной кровати, одетыми. А Таня, так демонстративно и в шкуру медвежью завернулась. Ну и я не приставал. А, проснувшись, хотел было наладить отношения... Все я старше Татьяны на... на много. Но... со мной не разговаривали. Пусть покипит, отойдет.

А я отправился на производства. Это моя вторая страсть. Льстит считать себя чуть ли не мифическим Прометеем, дарующим людям технологии.

— И что, копьё лучше держать будет? — спрашивал Мирон, оказавшийся лучшим тяжёлым кавалеристом среди всех ратников общины.

После тренировок, где он всех на коне и с копьем уделал, именно Мирон становился главным специалистом, с которым я советовался при создании нового рода войск.

— Так тебе на весу его держать не нужно. А вот этот набалдашник из железа рычаг уменьшает, и копьё не мешает, и не бьёт по стегну коня, — объяснил я, хмурясь, прилагая немалые усилия для того, чтобы разъяснить практичность того, что уже когда-то кем-то было изобретено, а я собираюсь повторить, до конца и не понимая, как должно действовать. — А вот этот мешок позволяет упереть копьё и тогда можно держать его одной рукой.

Итак, я предлагал использовать ток — это рукав, в который упиралась пика. Тут же я обо-звал набалдашником, и это слово было еще больше незнакомо, если бы я сказал “шарообразная гарда”. Копье изготовили из сосны. Оно полое внутри, что сильно облегчало оружие. Жаль, что производство таких копий настолько сложно и энергозатратно, что вооружить и сотню будет очень сложно. Тем более, что такие пики, размером больше четырех метров, в бою будут ломаться часто.

Не скажу, что я был прям фанатом реконструкторского движения. Просто, учитывая мою занятость, это было невозможно. Но то, что интересовался этим в некотором смысле, — это факт. Была возможность, так зрителем ездил на фестивали. Был даже на Грюнвальде, на грандиозном праздновании шестисот лет со дня Грюнвальдской битвы и разгрома Тевтонского ордена.

И вершиной того, что я видел на средневековых фестивалях, ну или уже раннего Нового Времени — крылатый гусар. Жаль, что польский, хотя и Стременные стрельцы в XVII веке были похожи на своих оппонентов из Речи Посполитой.

Сколько было споров и разговоров о том, зачем же этим самым летучим гусарам нужны крылья. Если уже по-честному к проблеме относиться, то они, конечно, шумят при движении, но чтобы пугать других лошадей — вряд ли. Не такой это шум: и не резкий, не грохот, как, например, от разрывов бомб. Почему он должен пугать?

Другая теория, что крылья за спиной гусара спасали от арканов кочевников. Но и она не выдерживает критики. Не то, чтобы вообще... Бросали арканы, при зрителях, давали за плату и самому попробовать. Наверняка, это делали сотни других реконструкторов, и сказать, что сильно уж крылья спасают, — точно нет.

Но вот тут я бы, конечно, не стал полностью отбрасывать теорию, зачем нужны эти самые крылья за спиной. Из десяти раз на брошенный аркан, или, как в других местах это называют, лассо, четыре раза он отчётливо соскальзывал по “крыльям”. А это какой-никакой, но уже результат. Или отборная брань того реконструктора, который позволил со своей амуницией такое делать влияли, и веревка боялась гнева человека?

Но самое главное, что я для себя понял, — что крылатые гусары это, прежде всего, идеологически правильно. Ангелы, защитники земли русской. А если ещё и придумать особую клятву... Еще и крест Андреевский, чтобы он точно отличался от того, который напяливают на себя крестоносцы.

— Продолжайте! Зря ли трёх гусей забили на перья! Перед выходом в Броды, крылья должны быть приторочены у всех, кто к бродникам отправиться, — сказал я, а сам направился к Любаве.

Если думать о флаге и о накидке для наших гусар, то это только к ней. И вот пока шёл, а девушка в это время была на строительстве береговых укреплений, почти что передумал делать накидки. Они же закроют брони.

Разве же грозные доспехи, ламинарные, не только с пришитыми пластинами, но ещё и клёпаные, разве сами по себе не будут устрашать врагов наших? А вот стяг на пике нужно делать обязательно с крестом. Чтобы на конце длинного копья обязательно висел треугольничек, внутри которого этот крест будет развеваться, и каждый его увидит.

Любава пробурчала, что все в работе. До сих пор недовольная, что уезжает Лучан. И сколько он ее не уверяет, что вернется обязательно, нервничает девка.

— Ну что у тебя? — спросил я у Лепомира, который был следующим в моем плотном графике.

Тот стоял над деревянным чаном с вязкой белесой жидкостью. Выглядел при этом, как заправдашний колдун над своим зельем. Мне даже показалось, что этот мудрец читает какие-то заклинания.

— Чутьё у тебя, воевода, вот как только первый лист бумаги делать собрался, так и ты тут, — пробурчал вечно хмурый Лепомир.

На самом деле, ему есть из-за чего хмуриться. Жена его всё-таки этой ночью вновь посетила Евпатия Коловрата. И, скорее всего, рогиносец об этом знает, но делает вид, что не в курсе событий.

Жалко его. Хотя жалеть мужчину — это как требовать от женщины мужественности. Конечно, можно, но чувство, что это не совсем правильно, никуда не уходит.

Впрочем, нужно по этому поводу обязательно обратиться к бабке-Ведунье. То ли мне показалось, то ли действительно Лепомир взглядами одаривал одну из новоприбывших девушек. И если это так, и ему кто-то приглянулся, то нужно их срочно сводить между собой.

Меня коробит от того, что я превращаюсь скорее не в воеводу, а в сваху. Но иначе попросту нельзя. И Лепомир для меня очень важен уже потому, что он буквально за четыре дня смог проконтролировать и сам поучаствовать в создании мастерской по производству бумаги. И про порох он знает, как бы не больше меня. Уже все подготовил к его изготовлению. Каждый день

следит за тем, как заполняются селитряные ямы и периодически сверху подогревает эти ямы. Обещает, что к осени сколько-то селитры будет.

Говорить же лишний раз о том, насколько важен и для меня, и для всей будущей системы пропаганды Евпатий Коловрат, — это только лишь тратить время. А времени у нас как раз-таки нет. Это очень ценный ресурс.

Тем временем, Лепомир ещё раз помешал большую кадь с вязкой жидкостью, окунул в это всё лоток. Изъял его и дал стечь излишкам жидкости.

Однако руки у роконосца тряслись, и в итоге вылилось из лотка почти всё то, что должно было застыть и стать бумагой.

— Дай я сам сделаю! — сказал я, вырывая лоток из рук огорчённого, готового, как тот ребёнок, расплакаться, Лепомира.

— Ты должен заставить Земфиру и Коловрата... — сжав кулаки, пытался требовать Лепомир.

— И, конечно, я этого делать не буду, — сказал, отрезал я, но решил добавить: — Пока кто другой не увёл Заряну, иди к ней.

Было видно, что роконосец хотел мне ответить что-то, в его понятии жёсткое и принципиальное, но понурил голову.

— Если ты уже сегодня, вот сейчас, когда загрузишь все лотки с бумагой под пресс, пойдёшь и будешь со всем своим усердием пользоваться Заряну, которой ты люб. И тогда косо глядеть на тебя не станут. А, может, и жена твоя подумает, что зря грешит прелюбодеемием, — решительно сказал я.

Лепомир стоял в прострации, смотрел невидящим взглядом в пустоту. Наверное, решался. А потом резко, так что я дёрнулся, и лоток упал в белёсую жидкость, он выскочил из мастерской.

— Реалити-шоу, мля, а не русская община, готовящаяся воевать с ордынцами, — пробурчал я, закатывая рукава своей рубахи, чтобы найти всё-таки этот лоток и сделать первый лист бумаги.

Не сказать, что продукт выходит сплошь дешёвый и технология проста. Это хорошо, что мы смогли быстро чуть видоизменить ремни к водному колесу, поставить деревянную трубу и долгое время под относительным напором размывали всё то, что было положено в чан, в котором я сейчас и купаюсь руками.

Прежде всего это, конечно же, лён. Весь лён, все непригодные для ношения вещи, всю мою одежду, всё изъято и у береговых, и у жителей Островного. Добавили немного извести, чтобы иметь возможность хоть как-то растворить всё это. А потом мало того, что под напором размалывали, еще и долго и упорно мешали. Получилась слегка белёсая вода, но вязкость в ней присутствует.

И всё же я зачерпнул лоток размером с бумажный лист А3, ну или около того. Аккуратно положил его на подготовленную полку. Сверху на немудрёной деревянной конструкции находился каменный пресс, выполненный из старых жерновов.

Я снял с крючка верёвку и медленно опустил пресс на бумажный лист. Небольшие излишки воды растеклись, жидкость готовится превратиться в бумагу. И обязательно это делает.

Я подумал и решил тут же к процессу привлечь кого-нибудь из явной молодёжи. Есть у нас и одиннадцатилетние, и двенадцатилетние парни, которым всё-таки рановато участвовать в каких-то боевых действиях, хотя учиться этому необходимо, но вот постоять так вот рядом с прессом, подождать часок, а потом изъять заготовку на лист бумаги и отправить на сушку возле разведённого очага — это уж точно под силу.

Ну что ж, вот теперь у нас есть и бумага. Причём справились мы и без крахмала, как это делали в Европе. Я уверен, что генуэзцев обязательно заинтересует и технология, и бумага как

товар. Для отбытия Лучано в генуэзскую факторию Тана оставалось четыре дня, и я думал, что за это время до ста листов изготовить можно будет.

Конечно, нам нужно удивлять генуэзцев. Они должны явно задуматься над тем, кому вообще выгодно было бы помогать в этой войне. Понятно, что они никогда не объявят войну ордынцам. Более того, как показывает история, генуэзцы во многом даже помогали Орде. Например, участвовали в Куликовской битве и отнюдь не на стороне Дмитрия Ивановича Донского.

Ну я же помню слова Карла Маркса, где он утверждает, что нет такого преступления, на которое не пойдут капиталисты, если прибыль сулит 300 %. И пусть сейчас ещё капиталистов нет, но это отнюдь не значит, что тяги к обогащению у людей сильно меньше. А учитывая жёсткую конкуренцию Генуи и Венеции, небось соплеменники Лучано сильно призадумаются, как бы это нам помочь, да чтобы из-за Орды технологии не потерялись.

Ведь не только бумагой единой. Нам всё-таки удалось создать относительно небольшие, может быть, в диаметре сантиметров двадцать, но вполне добротные зеркала. По крайней мере, в них отражение в меньшей степени искажается и отчётливо видно лучше, чем в воде или в начищенной бронзе.

Трубка. Железная, небольшая трубка помогла нам наконец создавать относительно большие пузыри из стекла, наполнять их серебряным напылением, ну а потом разрезать и, пока ещё окончательно стекло не застыло, раскатывать его, чтобы никаких выпуклостей не было.

А дальше наш ювелир дорабатывал оправу. Получилось пока что только три изделия, но они настолько впечатляли всех тех, кто видел зеркала, что люди крестились, тут же поминали старых богов, в страхе и ужасе некоторые отстранялись от зеркала, и пару раз оно полетело на пол. Впервые я был доволен всем, что полы мы до сих пор не укладываем досками. Разбить такое сокровище – за это и казнить можно.

Каждый день я обходил все наши предприятия, следил за тем, чтобы всё работало. У меня не было такого ощущения, что я и вовсе не вернусь обратно. Вернусь, обязательно, но это может случиться не так скоро. А у нас времени настолько мало, что мы должны, обязаны, освоить ряд технологий.

Причём я уже принял очень важное и сложное решение для себя. Мастерские готовят для тех людей, которые сумеют повторить технологию, а этих мастеровых нужно срочно отправлять в какой-нибудь из русских городов.

Понятно, что освоиться в чужом городе, а вряд ли хоть где сейчас на Руси будут довольны тем, что к ним направятся толпы беженцев, будет очень сложно. Но нужно сделать всё, чтобы технологии не исчезли. Даже если мы, моя община, я лично, проиграю ордынцам, то мастеровых, которые изготавливают то, что не могут сделать и в Европе, — вот их нужно обязательно сохранить.

Где будет развиты ремесла, найдутся и те люди, которые смогут прокормить других. В том числе и тех, кто может уделять всё своё свободное время подготовке к войне. И – вот такой я наивный – хотя бы в этой истории получится скинуть ордынское ярмо раньше. И не войти в коллаборацию с теми, кто не гнушается совершать набеги на русские земли.

И пусть сколько угодно говорят о том, было ли иго или нет. Вот прямо сейчас я думаю, что оно точно было. Правда, далеко не уверен, что уже при том же Дмитрие Донском можно говорить о монголо-татарском иге. Скорее там уже установилась система вассалитета, вполне себе обычная, в том числе и для Западной Европы.

Именно сейчас происходит нашествие, убивают десятки тысяч русских людей, другие десятки тысяч русских людей уводят в плен, в рабство. Русская земля лишается важнейшего своего генофонда.

Ведь на полях сражений и на крепостных стенах умирают прежде всего молодые и здоровые мужчины, могущие принести здоровое и сильное потомство. В плен уводят опять же

либо молодых и здоровых мужчин, либо красивых женщин. Уводят ремесленников. Так что то, что сейчас происходит, — это очень страшно. И это в большой исторической перспективе огромной болью скажется на русском народе.

Через четыре дня представительная кавалькада и растянувшийся как бы не на полверсты обоз отправились в сторону Берегового поселения. Ещё там предстояло немного заполнить сани добром. Тут работала кузница и ладили косы, привычные для человека двадцатого века, но неизвестные в этой реальности. А после мы уходили в Броды.

За это время ещё один небольшой отряд монголов прошёл через Береговое поселение. Даже не прошёл, скорее пролетел мимо, лишь только прихватив с собой мясо забитой козы.

Мы не успели среагировать и тем самым упустили добычу. Но с другой же стороны, если мы будем каждый отряд, который проходит через Береговое, уничтожать, то, конечно, возникнет множество вопросов к нам.

Так что, руководствуясь поговоркой «что ни делается — всё к лучшему», мы продолжили движение, не сокрушаясь по нереализованным возможностям.

Где-то за один дневной переход пришлось расстаться с Лучано. Он, в сопровождении оставшихся половцев, а также ещё шестерых ратников, которые были в меньшей степени похожи на рязанцев, но скорее походили на степняков, наш генуэзец и отправился на разведку, ну и на попытку расторговаться с генуэзцами в фактории Тана.

Задачи Лучано были не только узнать, насколько эта фактория может нам помочь. Более того, он же сам отсюда и понимает расклады и без того. Одним из важнейших заданий для него было выкупить значимых для нашего поселения рабов.

А нам в срочном порядке нужны оружейники. Хотя и кузницы работают исправно, но одна не военного направления. А бронная мастерская выдает клёпаный чешуйчатый доспех раз в три дня, и меч справный выходит, но не чаще, чем один в два дня. Этого настолько мало, что нужно уже сейчас расширять производственную базу как бы не в пять раз.

Ведь по той технологии, которую мы сейчас внедрили, железо выходит в товарном количестве. Также и чугуна выходит немало. Ещё мы и дотащили из Рязани немало железа, которое сейчас переплавляется. Так что конкретно с железом у нас проблем нет, как с материалом. У нас проблема в том, чтобы выковать из него что-то необходимое и стоящее.

— Ну? Будем поражать и удивлять? — задал я вопрос прежде всего самому себе, когда облачался в позолоченный чешуйчатый доспех.

Ювелир наш постарался и нанёс-таки позолоту. Не на всё, лишь только на груди чешуйки казались золотыми. Но, между тем, это признак такого большого статуса, что как бы не княжеского.

Прошёл к своему коню, начал расправлять перья на притороченных к седлу крыльях. Они были на железных прутьях. И всё же эти прутья могут дать небольшой шанс для всадника, если степняк решит заарканить. А ведь подобным образом часто действуют и монголы. Они то ли боятся повредить доспех, коней им жалко, но если уже видят, что могут взять воина живым, то делают это, накидывая удавку на этого человека и скидывают его с седла. И сейчас не факт, что это получится.

— Если бы я сам увидел, как такое воинство подходит ко мне, то мог бы и поверить в распятого Христа, — сказал Евпатий Коловрат.

Вот хоть и крестик он носит на шее, но отъявленное, чем Евпатий, язычника в нашей общине нет. Даже Ведана, явно поминавшая чаще старых богов, и та не забывает про Иисуса Христа.

— Тот, кто верит в Христа, смотри, ещё и на колени перед нами упадёт, — говорил я, горделиво восседая на своём мощном скакуне.

Дюжина — именно столько было нас, крылатых рыцарей, в блестящих доспехах, ламинарных, чешуйчатых, с оружием: у каждого сабля или меч, у каждого длинное, четырёхметро-

вое копьё, которого нету здесь ни у кого. Именно это копьё, если случится сойтись в бою с монгольской тяжёлой конницей, обязательно скажет своё слово. Ведь монгольские копыя куда как короче.

Не думал никогда, что когда-нибудь скажу это, но всё же...

«Спасибо вам, ляхи, за такое изобретение, как крылатый гусар!» — мысленно я произнёс слова благодарности.

Впрочем, сразу подумал, что никто не оценит такого моего благородства. Поэтому мысленно же ещё и послал к чёрту всех, кто изобрёл оружие, которое топтало московские улицы во время Смуты. Горите в аду!

Мы подходили к Бродам. И уже на подступах к поселению было понятно, что вокруглюдно. Оказывается, что на Дону живет много людей.

Волнительно... Ведь на это мероприятие я возлагаю большие надежды. И мои планы во многом зависят от того, что здесь произойдет.

От автора:

Роман, с которого началась эпоха «обратных попаданцев».## Непредсказуемый сюжет, живые герои, узнаваемая реальность и сильный литературный слог.## Серия продолжает расти — уже вышел десятый том, а на первый действует большая скидка: <https://author.today/reader/450849/4185576>

Глава 3

Броды.

8 февраля 1238 год.

Представьте себе, что на организационное собрание юродивых и нищих, где они собираются распределять наиболее выгодные места рядом с храмами для подаяния, вдруг заявляется человек в шикарном дорогом костюме, в лакированных туфлях, шёлковом галстуке, допустим, ещё будет в шляпе и с тростью.

Вот примерно такие ассоциации у меня возникали, когда мой отряд появился в Бродях в тот момент, когда там занимали места в зрительном зале собравшиеся бродники. Зрительный зал — это скорее холм рядом с поселением, который прямо сейчас облепливали жующие, пьющие и галдящие бродники.

Как я понимаю, для большего числа речных людей подобные мероприятия кажутся скорее развлечением, шоу. И уж точно наше появление в сверкающих доспехах, на грозных конях, но самое главное — с крыльями за спиной — это уже элемент грандиозного представления. Так сказать, мы выступаем на разогреве.

Так могут считать многие присутствующие. Но они не могут знать, что мы прибыли сюда, дабы стать главным событием всего мероприятия. А не каким-то дополнением.

— Кто такие? — стараясь выглядеть грозным, нерушимым, словно бы скала, спрашивал могучий охранник у ворот.

Я подался вперёд, рядом со мной был Дюж. И вот эта скала, явно уступающая в габаритах моему воспитаннику, вдруг превратилась в песчаный бархан, который, если подует сильный ветер, так и вовсе разлетится.

— Дюж? — удивлённо спросил охранник. — Так Пласкиня же помер. А ты с... Это ты, Дюж?

Глупый вопрос. И я не стал отвечать на него. Это же глупо соглашаться с тем, что глаза стусежавшегося охранника не подводят и действительно видят Дюжа. А вот мой воспитанник что-то грозно промычал, от чего охранник ещё больше вжал голову в плечи.

Мы прошли дальше, вопросов больше к нам не возникло.

— Ты дрался с ним? — спросил я у Дюжа, когда мы немного отошли от ворот.

— Угу! — кивнул головой великан и расплылся в какой-то мечтательной улыбке.

— Я так понимаю, что в этой драке ты над ним поиздевался?

— Угу! — веселясь, отвечал Дюж.

— Не всегда хорошо издеваться над людьми. Если в следующий раз задумаешь это делать, то спроси меня, — с трудом сдерживая свой смех, сказал я.

Мы шли по большому поселению. Нет, это не был город, уж точно не древнерусский с типичными укреплениями и оборонительными линиями. Огораживал большую часть поселения скорее забор, чем стена. А внутри хаотично наставлены дома. По большей степени мазанки, но были и срубные конструкции. Мы же направлялись к самому большому дому, какие я видел только в Рязани, и то... разрушенными и сожженными.

Складывалось впечатление, что бродники в этом поселении не боятся никаких нашествий, опустошений. Не знаю... Даже если есть договоренности со всеми политическими игроками в регионе, это же не повод не готовиться к нападению. Беспечность.

На нас не просто смотрели — нас поедали взглядом. Какая-то девица вышла из очередной мазанки, что промелькнула по дороге, завидела таких красавцев, ну, а может быть, наше облачение и крылья больше впечатлили, и уронила горшок с чем-то дымящимся внутри. Ох

и получит по своей филейной части девчонка. Судя по всему, в горшке была духмяная каша. Такой не разбрасываются, даже если и красных молодцев увидят.

Мы направлялись к Туру. Если кому-то и нужно высказать своё «здрасьте», то это только атаман бродников. Да и посмотреть на него нужно. Все же мой соперник, как бы и не враг.

— Ты как? — спросил я, когда поравнялся с Евпатием Коловратом.

— Да здоров я! — отмахнулся от меня Коловрат.

Я бы и сам от себя отмахнулся — слишком уж был дотошным и спрашивал, наверное, каждые три часа о том, какое самочувствие у боярина. С утра был бледный, что краше в гроб кладут. А между тем, Коловрат должен сыграть очень важную роль в том, что произойдёт на этом Круге бродников.

Дело в том, что в системе ценностей у бродников определяющим является сила и ловкость. Они почти что презирают любой труд, будь то ремесленный, если только не вынужденный, починить там оружие, или свистульку сделать. Свистят, знаете ли, как дышат. Гонору, похоже, что у тех шляхтичей польских, которых еще нет.

Когда узнал, что бродники чураются еще и сельскохозяйственных работ, привлекая каких беженцев для работ, как челядников, то уважение к этому субэтносу поубавилось. Только сила, чуть меньше — ловкость, ну и ещё меньше — хитрость, вот те три добродетели, которые являются определяющими и могут одного речного человека возвысить над другими.

И по этому критерию мой отряд должен стать лучше других. Если кто-то нам бросит вызов, то мы должны на него ответить так, чтобы и другим не было повадно. А если этого вызова не случится, то его нужно инициировать. Спровоцировать кого-нибудь. Лучше так и атамана.

В какой-то степени повезло ещё и в том, что, оказывается, среди бродников вполне возможны женщины-воительницы. Таких, по словам Мирона, в Бродах не так много, но они есть. В основном, конечно же, это женщины, которые владеют луками.

Не знаю, отголосок ли это сарматов, у которых военнообязанными были и женщины, или что-то другое, может быть и необходимость из-за недостатка силы у речных людей, но факт.

Так что с нами вполне на легальных условиях едет занявшая второе место на соревнованиях лучников среди наших общинников. Кто? Жена моя любимая. И она так же в доспехах. Получилось подогнуть под манящее тело супруги. Правда первое место с небольшим перевесом всё-таки вырвал для себя Андрей.

Но у Андрея Колывановича была своя задача. С частью отряда он отправился в Козельск. С одной стороны, чтобы расторгнуться и прикупить съестных припасов, а также материалы для изготовления тетивы, соду и кожу. Но всё же первостепенной задачей было разузнать обстановку в этом городке.

Не давал мне покоя Козельск. Ещё с детства я знал о героической обороне этого городка против монголо-татар. Всё, что можно, я прочитал о таком эпизоде ордынского нашествия. Вдохновляло, заочно заставляло уважать таких мужественных людей. Хотелось хотя бы этот эпизод нашествия переиграть. Следующей зимой должно случиться? Есть время немного подготовиться. Впрочем, нам бы в этом году выстоять.

Так или иначе, но нам необходимо заручаться поддержкой хоть какого-нибудь русского города. Надеяться на города Северо-Восточной Руси не приходится — по большей части они будут разорены. Киев, как мне кажется, наглый и тщеславный город. Чернигов, может, в меньшей степени, но, судя по тому, как отнёсся к миссии Евпатия Коловрата местный князь, Чернигов нам не в помощь. Смоленск будет стараться всячески отдалиться от событий.

А вот Козельску и мы можем кое-что предложить, и взять от этого города немалое. Вряд ли люди в небольшом городке будут заносчивыми и нос воротить от дельных предложений.

— Приветствую тебя на своих землях, брат Ратмир, — на пороге немалого дома, даже двухэтажного, встречал меня Тур.

Это было несложно понять, что передо мной атаман. Как минимум то, что он повесил себе на шею серебряную гривну, уже говорит о высоком статусе. Ну и одежда была по-княжески.

— И я приветствую тебя, славный атаман речных людей, — любезностью на любезность отвечал я Туру.

— А по что крылья приделали к седлам? — с укором в голосе спрашивал атаман. — Не ангелы чай, и неча представляться ими.

— А потому, что мы считаем себя защитниками Руси и верными Христу, хоть и не забываем старых богов, — с металлом в голосе отвечал я. — Нет, не ангелы. Но биться с поганцами готовы.

Я сразу ощутил пресс соперничества. И это плохо. Видимо, Тур далеко не глупый человек и понимает, а может, где-то и ощущает опасность, которая исходит от меня. Ведь я пришёл с намерением скинуть его. А если понимает, что от меня опасность, то... Решиться на что-то

— Зайди в избу! Будь гостем мне. И людей твоих накормят и согреют, — сказал атаман, открывая низкие двери своего жилища и рукой указывая направление.

Я бы предпочёл, конечно, переговоры «три на три». Взял бы с собой Евпатия и Мирона. Но если Тур хочет пообщаться наедине, так не вижу в этом никаких сложностей.

Не знаю уж, ждали ли меня или так обильно обедает атаман, но стол ломился от еды. Особенно на контрасте с тем, как приходилось питаться в общине.

При этом Тур был лысым, сплошь покрытый шрамами, я не заметил ни одного грамма лишнего веса. Или же он достаточно умерен в еде, или, что скорее всего, немало внимания уделяет тренировкам.

При этом атаман похрамывал на левую ногу. Возможно, когда-то она была переломана и неправильно срослась. Тоже важное наблюдение. Вряд ли в бою он может опираться на эту конечность. И если против него действовать всё время справа, напрягая его левую ногу, можно иметь преимущество.

— Поснедаем, опосля и поговорим, — сказал Тур, и я не противился такому регламенту общения.

Гречневая каша была чудесна. Наверное, я в жизни никогда такую гречку не ел. Жирная, перчёная... Казалось бы, зачем перчить гречку и даже слегка её пересаливать, но когда долгое время приходится довольствоваться не просто скудной едой, а лишь пищей, которая позволяет не умереть с голоду, вот тогда такие блюда и кажутся божественным нектаром или амброзией.

Хотя нет, амброзией было то вино, которое стояло на столе. Как же давно я не пил вина. Далеко не самый обязательный напиток к употреблению, но вместе с тем такой приём подкупал.

Быстро опрокинув в себя немало размера горшок с кашей, закусив это ещё и лепёшкой, я только сейчас заметил огурец.

— От персов. Они зело любят. А по мне так вода с травой, — правильно определив мою заинтересованность, сказал Тур.

Говорит, вода с травой? А если бы этот огурец да в бочку, да смородинового листа туда, укропа с чесночком, ну и солькой засыпать... Обязательно нужно взять на вооружение и сколько-нибудь огурцов найти в этом поселении, чтобы по весне посадить.

— Теперь поговорим? — спросил я.

— Испей ещё вина! — вроде бы радушно, но с каким-то нажимом сказал Тур.

Споить меня хочет? Я, конечно, не знаю, как нынешнее тело отреагирует на алкоголь, но если так же, как и в другой жизни, то очень много мне нужно вина, дабы сильно опьянеть. Столько можно и не выпить.

— От вина я откажусь. Не люблю я вина. Люблю честный разговор, — жёстко сказал я, рукой отодвигая медный кубок, который протягивал мне Тур.

Было видно, что он недоволен моим отказом, но не высказал недовольства.

— Честно? Так я говорил с твоим человеком. Мне нужна поддержка. Ты и твои люди станут ею. Для того ты здесь, – с претензией на власть надо мной, сказал Тур.

— Ты не понял моего человека. Или услышал то, что хотел. Я не подчиняюсь никому. Но выход, дань, положенную тебе, как честный человек привез. И теперь я и без твоего согласия бродник. Ведь ты сказал привести выход, я привез, – сказал я.

— То, что ты бродник еще Круг сказать должен.

— То правда. Потому я и обращаюсь до Круга, – согласился я.

Тур нервничал. Он стучал костяшками кулака о стол, между прочим, со следами ожога. Видимо, мужика сильно в жизнь побила. Шрамы, ожеги, хромота.

И тут Тур зло посмотрел на меня..

— Зачем ты пришёл? Решил воду баламутить? Мне с трудом удалось сдержать братьев, чтобы они не наделали глупостей. А те, кто меня не послушал, тех ордынцы сами прижали. Ты чего хочешь? — вот и начался откровенный и даже жёсткий разговор. – Если ты не со мной, так уходи!

— Хочу, чтобы бродники честь свою вспомнили. Вы ставите силу главным в человеке, но сами нынче слабы. Каково оно — кланяться, спину не ломит? — говорил я. – Ты взял выход. Я оставил телеги людям твоим. Так что это не по поняти... не по правде.

— Вижу, что ошибся. Я предполагал, что со мной разговаривать будет мудрый муж. А вижу перед собой отрока. Не может муравей сопротивляться человеку. Раздавит человек муравья и не заметит. И жалости в нём не будет, что букашка померла, — пытался философствовать Тур. – Мне нужна была сила, чтобы таких вот буйных охолонить. Нельзя норов свой показывать ордынцам. Нельзя!!!

— А бывает так, что муравьи — кусачие. Вот залезет один такой в штанину и давай кусать. И не найти его, не отыскать — шустрый, но злой. Но это если о муравьях говорить. А каждый решает для себя, кому ему быть — человеком или муравьём. Я человек. Ты кто? — отвечал я.

Он усмехнулся, покивал каким-то своим мыслям.

— Как и думал я, пришёл ты воду баламутить. Как сказали, что ряженные скоморохи в перьях пришли, понял, что обманом ты на Круг явился. Уходи по добру, по здорову. Живы останетесь и ты, и люди твои, и даже покушаться не стану я ни на коней ваших, ни на броню с оружием, — сказал атаман.

— Это твоё последнее слово? И ты пойдёшь в нарушение правды, по которой живут люди реки? — даже где-то и надменно спрашивал я.

— Не смей губить, баламутить, народ мой. На сладкие речи польстятся многие. А что ты предложишь взамен того, что убили бы всех этих людей? — спрашивал меня Тур.

И голос его уже был скорее просящим. Я даже немного проникся тем, насколько этот человек печётся о здоровье и жизни речных людей.

Но и только. Хорошими намерениями устлана дорога в ад. Может я иду этой дорогой, а может и Тур.

Есть такой извечный вопрос: что же лучше — жить в рабстве и подчиниться, либо сопротивляться рабству и умереть. И каждый на него отвечает по-своему. И у каждого своя правда. Если я считаю, что сопротивляться врагу необходимо, и тут просто нет объяснений, так как для меня подобное — аксиома, то у других подход разнится с моим.

Взять того же Александра Невского. Ведь между тем, как он бил шведов или крестоносцев, мог попробовать и согласиться на сопротивление монголам. Но нет. Как и его отец, завёл дружбу с ордынцами. И отравили Невского, как и его отца, в Орде. А ведь новгородцы, не познавшие нашествия Орды, но вынужденные платить им выход, были готовы на сопротивление. Предательство? Сохранение русской державы?

— Бродников все же стращать будешь? — разгадал мой план Тур.

— Да, — немного поразмыслив, признался я. — И в том правда моя.

— Но ты сам не бродник.

— Объяви меня таковым. Или я сам себя объявлю. А нет... так все узнают, что ты взял выход, а нынче...

— Верну.

— Не возьму. Что взято, что твое.

Злой взгляд устремился на меня. Казалось, что атаман хочет заглянуть мне в душу. А пусть бы и посмотрел.

— Иди. И оглядывайся! — сказал мне своим тяжёлым взглядом Тур.

— Чего и тебе желаю. А за еду и гостеприимство твоё — спаси Христос.

Я спешно вышел из терема.

— Ну что? — сразу же последовал вопрос от Коловрата.

— Готовимся уходить с боем, — задумчиво сказал я.

— Вот так, не солоно хлебавши, мы уйдём? — было дело, попробовал возмутиться Евпатий.

— Не для того мы сюда приходили. Их вольница нам только на руку, — Но слово свое я сказать должен. И ты... Придется раскрыться. — сказал я, подумал и добавил: — Шеломы не снимать. Не думаю я, что решатся напасть на нас открыто. А вот пустить какую стрелу из-за угла — то можно.

— Идём на Круг? — с преисполненной решимостью в голосе спросил Мирон.

— Да! — ответил я.

Если бы у Тура была реальная власть, то он бы, конечно, уже приказал меня арестовать. Да зачем эти сложности? Просто бы убил. Но не думаю, что он сам может рассчитывать больше чем на две сотни бойцов, преданных ему лично. И то, скорее всего, я сильно завишаю эти цифры.

Конечно, на нас хватит и пяти десятков. Не смотря на доспехи и нашу силу. Это если действительно люди боевые против нас встанут. Ну пусть сотни... Хотя я не представляю, как биться с соотношением один к десяти.

Но, опять же, сам атаман в разговоре со мной явно намекал на то, что общество бродников далеко не монолитно в своём мнении и отношении ко всему происходящему вокруг. Вопросы возникнут. Спросят почему так жёстко обходятся с нами, по чести привезшими дань. Между прочим, мы были приглашены, и об этом явно уже известно всем заинтересованным лицам, — такие вопросы будут крайне опасны для Тура.

Ведь это прецедент. Если атаман так может поступать с нами, то почему он не поступит и со всеми остальными подобным образом?

Сколько я ни размышлял над социальным укладом бродников, видел в нём слишком много упущений и лазеек, которые этому народу воспрепятствуют стать чем-то единым и сильным.

У них же военная демократия, по сути говоря, где правым может оказаться не тот, у кого позиция честная или умная, а тот, кто будет громче всех кричать. Такова, увы, доля почти всех демократий.

Ну а что до того, чтобы кричать, так здесь, смею надеяться, я не последний оратор. Чай не зря академии заканчивали.

— Воевода, — обратился ко мне Лихун. — А ведь после того, как мы из избы той большой вышли, видал я одного бегуна, обогнавшего нас и убежавшего вон к тем кустам

Сказал десятник и не рукой, а головой кивнул в сторону, где, действительно, были кусты.

Несмотря на то, что Лихун сильно про штрафился, я продолжал давать ему шансы на исправление. По крайней мере, у парня был такой зоркий глаз, что он примечал многое, чего

и я не увижу. Более того, то ли в нём стал просыпаться разум, то ли он отродясь глупым не был, Лихун учился анализировать обстановку.

— Боярин, если будут стрелы, на щит примешь, чтобы так — воткнулась? — спросил я у Коловрата.

— Коли готов буду, то приму стрелу, — сказал Евпатий и додумал остальное, приблизился ко мне.

Я знал, к кому обращаться. В последнее время Евпатий вновь стал тренироваться. Я конечно же, подсматривал за тем, что может этот воин. Много. У него просто феноменальная реакция или даже чутьё.

Наверное, эти качества, мастерство и могли создать тот образ боярина, которого стрелы боятся. Ведь в него стреляли не заточенными стрелами, а он неизменно их ловил на щит, реже — уворачивался. Это было одно из тех упражнений, которые я решил взять себе на вооружение. В бою иные, если увидят подобное, обязательно припишут что-то сверхъестественное.

Евпатий поравнялся со мной и вроде бы казался безмятежным, но косил глаза к тем кустам, на которые указывал Лихун.

Не думаю, что такой человек, как Тур, будет бросаться словами. Правда, я не знаю, на что он надеется. Я, как и другие мои воины, облачён в такие доспехи, которые пробить стрела не должна. Но мало ли...

Я только заметил, как качнулись кусты, а Евпатий уже выставил вперёд щит.

— Бдын! — не стрела, а мощный арбалетный болт ударился в щит боярина и пробил его. Такой мог пробить даже мощный доспех.

— Щиты! — прокричал я, оставляя на потом рефлекссию, что этот болт был направлен прямо мне в грудь.

Однако следующего выстрела не прозвучало. И буквально через пять секунд из кустов выскочил всадник, который помчался прочь, удивительно быстро набирая скорость. И теперь попробуй кому предъявить, что на меня покушались.

Мы были от стрелка примерно в семидесяти метрах. И я понимал, что догнать этого убийцу будет сложно. Оружие им было брошено. Всадник лихо вскочил в седло, будучи без доспеха и необременённым никакой ношей. Между тем тот арбалет, выпустивший такой болт, должен быть немалого размера и веса приличного.

— Лихун, Мстивой, отправляйтесь к кустам и привезите этот самострел, — приказал я.

Через пять минут я рассматривал замечательный механизм. Заряжался большой и тяжёлый арбалет при помощи колеса и педалей. Какое натяжение будет у этого агрегата, сколько килограмм, могу только догадываться, что много. Но ничего подобного я не видел раньше, ну если только в каких исторических фильмах и в видеороликах.

Что ж, подобные трофеи мне по душе.

— Не доставай болт из щита! — предупредил я действия Коловрата.

Он с сожалением смотрел на свой продырявленный щит и с ненавистью взирал на болт.

Мне же теперь было что предъявить на Круге Туру. Скажет, что не причём? Ну посмотрим чья возьмет.

Глава 4

Глава

Броды

8 февраля 1238 год

Да, я собирался пойти против него. Если раньше ещё искал какие-то обходные пути, думал, как занять себе такого союзника, как этот, без сомнения, мужественный и опытный человек и управленец, то сейчас вижу — нам не по пути.

На холме, где собрались зрители и участники большого собрания бродников, было явно тесно. И всё же немало людей проживает на Дону.

Ведь если у всех такие же условия пребывания на Круге, как и у нас, и больше дюжины человек с собой брать никак нельзя, то эти не менее чем две сотни мужиков уже демонстрируют, что на реке никак не меньше тысячи ратных.

Не знаю, каковы боевые навыки этих людей, возможно, и не очень. По крайней мере, то, что многие из них были одеты лишь только в кожаные доспехи, не вызвало особого трепета и уважения, что я попал на собрание витязей. Но на вид многие из них были сложены, как бойцы.

Я и не собирался искать себе место на холме, тем более, что сейчас видел — это бесполезно. Мы стали у подошвы возвышения, у той утрамбованной площадки, которая, наверное, и была не на есть кругом.

Уверен, что многие из собравшихся бродников жаждут информации, что же это за такие красавцы прибыли.

Мы стояли внизу наполненного людьми склона холма и ожидали. Начинать собрание должен был нынешний атаман. Как и в будущем, любое массовое собрание сотрудников должно было начинаться с отчёта руководителя о тех успехах, которые были достигнуты.

И тогда мне, конечно, было любопытно, чем именно может хвастаться Тур. Мол, за последний месяц ордынцам было отбито такое-то количество поклонов, что на пятнадцать процентов больше, чем за предыдущий отчётный период. Монголы попортили столько-то девок, что является явным успехом...

Просто о чём ещё может говорить тот, который всё-таки послал своего человека и указал меня как цель. Тот, кто считает, что бродники не должны сопротивляться ордынцам.

Конечно, открывать Круг речных людей должен атаман. Вот только я думал, выискивал возможности, чтобы сразу перебить его повестку. Чтобы показать себя.

И да, я, конечно же, считаю себя главной занозой в той концепции, которую продвигает нынешний атаман Бродников. Но сомневаюсь, что если некоторая личность снимет свой шлем и покажет себя, ну и назовётся, кто он на самом деле, то вот это вызовет ещё больший резонанс. И станет непонятно, кто же всё-таки главный среди тех красавцев, которые прибыли на собрание Бродников в лучшей в мире броне.

Безусловно, я о Евпатии Коловрате. В этом мире нет интернета, тут нет даже почты, но есть сарафанное радио и есть те люди, которые из Рязани бежали, которые спрятались в том числе и на Дону. Думаю, что и среди бродников должны оказаться те ратники, которые были в отряде Коловрата и которым удалось спастись. Ведь, судя по всему, после битвы на горе Плешивой, ордынцы перекрывали все направления, кроме южного.

Кроме того, рязанская земля не ограничивалась только лишь разорённой столицей. Беженцы наверняка были и из Переяславля Рязанского, из Пронска. Вряд ли много людей решились идти на Дон из северо-восточной Руси, из Коломны или других деревень, разорённых нашествием. Но из Рязани, могли.

Наверняка сейчас огромное количество беженцев находится у черемисов, на марийских землях. Но вроде как бежали ещё и обозлённые бывшие пленники, которые были проданы

в рабство. Уверен, что именно они и являются главной головной болью для Тура и тех, кто поддерживает позицию, что хата Бродников с краю и они не участвуют во всём этом деле, а напротив, подчиняются сильным.

— Эка вырядились, как те петухи с перьями, — послышался выкрик из толпы галдящих Бродников.

Весь холм, усыпанный мужиками, дружно заржал, словно бы раскат грома. Это было не просто обидно, это был конкретный вызов, на который нужно отвечать жёстко и сразу. И которому нужно бы сказать спасибо. А я тут думал, как заявлять о себе. Вот оно... И не было выкрика, нужно было его спровоцировать.

— А у кого такая дурная голова и бабий язык, что осмелился смеяться с нас?! — выкрикнул я.

Дружно все замолчали. По сути, прозвучал вызов. Ох, как же я рад тому, что нашёлся кто-то, кто, возможно, злоупотребил медовыми напитками и сказал явную, обидную для нас глупость.

Пауза затягивалась. Я приподнял голову и посмотрел, куда направились взгляды многих присутствующих Бродников. Они-то быстро вычислили крикуна. И теперь только и ждали, что же он ответит. Хотя слов уже никаких не надо — теперь нужно становиться в Круг.

— Что, трусил-то, чего? — сняв шлем и усмехаясь, спросил я.

— И нисколько я не трусил, — сказал мужик, вставая где-то с середины холма.

Как я понимаю, место в «зрительном зале» у него было словно бы в ложе для особых гостей. Возле мужика и давки не было никакой, и он сидел обложенный едой и кувшинами с какими-то жидкостями.

Ещё один центр силы? Ну, наверное, да. Другие, что пожиже, наверняка не стали бы выкрикивать вызывающие слова, предоставляя возможность это сделать тем, кто считается более сильным.

— В Круг вызываю тебя! — выкрикнул я. — До смерти ли драться будем али на кулаках?

Я предпочитал всё-таки на кулаках. И нет, не потому, что всё ещё не уверен в своих навыках мечника. Думаю, эту науку я уже познал вполне на высоком уровне, хотя до сих пор несколько теряюсь в работе не мечом, а именно щитом, что является особой наукой, которая мне пока окончательно не открылась. Но на кулаках я всё-таки посильнее буду.

— Что ж, негоже Круг наш начинать кровью пролитой. Давай и поборемся, — с явным азартом ответил мне мужик.

— В руки ему не дайся. Захватит — так сможешь и не вырваться, рёбра поломают, — наставлял меня Евпатий Коловрат, когда я разоблачался, передавая ему свои доспехи.

Я знал, что по правилам мог бы выставить вместо себя кого-нибудь другого. И, наверное, по логике вещей за меня должен был драться великан Дюж. Вот только, если я собираюсь разговаривать с этими людьми и взывать к их чести и достоинству, то не должен прятаться за кого бы то ни было, обязан показать свою силу.

Вышедший мужик был невысокого роста, «гном», с необычайно широкими плечами, руками, которыми, как мне кажется, он и кожу порвет, и подкову согнет. Правильно Коловрат определил в мужике борца. Он казался неповоротливым, но очень сильным, несмотря на то, что уступал мне в росте буквально на голову.

И бороться придётся. Победить я мог бы в стойке и ударной техникой. На всеобщее обозрение подобные приёмы выставлять можно, но они будут считаться подлыми. Победить же нужно было по всем правилам и абсолютно. А это борьба, как ни странно.

Под улюлюканье и крики распалённых мужиков, желающих начала шоу, мы вышли в Круг. Мой соперник был в рубахе, ну а я посчитал нужным раздеться до пояса. Пусть еще шрам мой увидят, задумаются.

Холодно, но, с другой стороны, в таком виде я имел ряд преимуществ. Во-первых, когда облачался, я, прикрывшись своими воинами, хотя и они не поняли, что именно я делаю, немного намазался оливковым маслом. Так, немного грудь, но самое главное — шею и руки.

Жульничал? Только лишь отчасти. Однако на кону стояло столь многое, что я не имел права проиграть. А недооценивать своего противника тоже не хотелось. Я уже убедился, что нынешние люди пусть и уступают своими навыками спортсменам и бойцам из будущего, но многие из них обладают природной, я бы даже сказал звериной силой и достаточной ловкостью, чтобы иметь шансы на победу.

Мы вышли в Круг, я демонстративно протянул руку.

— Испужался? С чего примириться хочешь? — не понял моего спортивного жеста соперник.

— Руку жму тебе, так как зла тебе не желаю. Силой померяемся, но убивать друг дружку не следует. Сильные мужи нынче потребны и Руси, и Реке, — нарочито громко выкрикнул я, по сути начиная свою пропагандистскую риторичку.

Пожали руки. Мужик расставил свои лапищи, голову чуть опустил и направил в мою сторону. Будучи низким, он ещё чуть больше нагнулся. Приходилось и мне взять борцовскую стойку, согнув ноги в коленях. Ещё не ровён час — в духе вольной борьбы сделает проход в мои нижние конечности, да и повалит, а там уже я буду в проигрышной ситуации.

С рёвом мужик ринулся на меня. Я ещё больше присел, сместился чуть вбок. Мужик подскочил и попытался взять меня за шею, его рука соскользнула, но в это время я охватил его за плечи. Инерция движения моего соперника заваливала нас двоих.

Вот только я не бездумно падал. Ещё больше потянул на себя мужика, выбрасывая сперва свое колено, а потом разгибая его. Пятка упёрлась в живот мужику, и я резко двинул ногой вверх.

Тело мужика взвилось в воздухе. Он перелетел через меня, уже лежащего на вытоптанном снеге. С грохотом рухнул на спину в двух метрах.

Я же, как в тех фильмах про мастеров кунг-фу, закинул ноги кверху, оттолкнулся спиной и руками с опорой у головы, потом быстро подмял ноги под седалище и встал на ноги. Фух! Получился трюк.

Зрители ахнули. Они получили зрелище. А потом, уверен, будут повторять такой трюк. Должны же... Я же в начале девяностых повторял, наглядевшись Брюса Ли и иже с ним.

Мой соперник поднялся, держась за бок, понюхал свою руку, призадумался. Распознал масло? Так его было очень мало, там скорее потом вонять уже должно. А потом уже медленно стал подходить. Он не пошёл в атаку, кружил вокруг, с опаской посматривая на меня, на мои руки...

У меня была возможность ударить его с ноги. Но я пока предпочитал ударную технику побережь.

Мужик не решался. Я дернулся в его сторону и резко остановился. Он, словно испугался, подался назад. «Трибуны» заулюлюкали. И тогда мой соперник обезумел, понял, сколь сейчас невыгодно выглядит. Бросился ко мне.

Я делаю шаг в сторону, одновременно перехватываю запястье мужика, сразу выкручиваю кисть. Мужик подаётся в мою сторону, уже заваливается, но другой рукой умудряется пробить мне в живот. Я напряг пресс, выдержал удар, хотя боль пронзила не только пресс, но и откликнулась в других частях тела.

Подсекаю ногу мужику, немного проводя и подталкивая его коленом. Соперника перекручивает в полете, он вновь плюхается на спину.

— Любо! — заорал кто-то из зрителей.

Эх... Казаки-станичники. И за триста лет до якобы появления казачества зовут бабу Любу. Правы те историки, что ведут историю начала казачества от бродников. Очень у них много общего.

Тем временем мужик поднимается, он трясёт головой, а после ещё и ударяет себя по щекам, будто хмель выгоняет. Но бродник не был пьян.

Смотрю на него. Готов ли бродник закончить это представление? Нет... Ещё хочет. Что ж... Приём «мельница» провёл, элементы айкидо показал. На очереди — и удары.

Мужик не ринулся, он сделал два шага навстречу. Резко сокращаю дистанцию. Пробиваю прямой в нос и боковой в челюсть. Лежит. Нокаут.

Молчание. Наверняка Бродники подумали, что я убил мужика. Склонился над ним, стал растирать щёки соперника талым, далеко не белоснежным, грязным снегом. Он зашевелился.

— Любо! — заорали люди на холме.

Я же боковым зрением сперва почувствовал, а после и увидел приближающегося Тура. И шёл он на Круг не один — два десятка было с ним людей. И в бронях, чаще в кольчугах. Видимо, в противовес моему отряду обрядил своих людей в самое добротное. Вот только то, что у Бродников самое-самое, у нас — обыденное. Хотя нескольких человек я увидел в пластинчатых доспехах. Правда, не клёпанных, а шитых, но всё равно.

Я потянул руку мужику.

— Захочешь науку познать, что нынче я тебе преподаю, найдёшь меня. И подлым боем биться будешь не хуже, — сказал я, поднимая бродника. — Силен ты. В брюхо мне пробил так, что чуть не скрутило.

А потом я, также в угоду созданию себе образа, троекратно расцеловал опешившего мужика и обнял его.

Толпа ликовала. Это же так по-мужски — морды друг другу бить, а потом дружбу водить. Но это не единственное, чем я решил удивлять после драки.

— Мёда принесите мне! И моему достойному побратиму. Он сильный, но мне ведомы тайны боя! — выкрикнул я.

Не был я абсолютно уверен, что прямо сейчас принесут нам кубки. И действительно, была некоторая заминка. А потом вышла моя красавица, выбежала. Залюбовался ею, пока женушка преодолела метров двести, или больше, что нас разделяли. Вспомнил, как страстно мы мирились, чуть было не забыл, где нахожусь.

Таня подошла, поцеловала меня, да так крепко. Я обнял её и чуть было не увлёкся. Потом она подала кубки нам с мужиком и мы с ним одновременно выпили.

Таня растрепала свои волосы, и вновь я был одерен поцелуем. Вот было бы представление! Наверняка мужская толпа взревела бы ещё больше, если увидела какой-нибудь элемент той борьбы, которую мы применяли с моей женой, будучи наедине.

Толпа ещё больше загалдела. Казалось, что люди впадают в экстаз. Я чувствовал, что завоевал как минимум интерес к себе. Этого достаточно, чтобы меня услышали.

— Будет вам! Сойдите с круга! — проревел недовольный голос атамана Тура.

Вроде никому это не понравилось, никто не одобрил атамана. Но люди чуть поутихли. Не могу с уверенностью судить какого развития сюжета бродники хотели, но они ожидали продолжения. А тут пришёл начальник и решил убавить градус веселья.

— Иди и передай всем, чтобы были готовы. Тетивы натягивайте незаметно, — шепнул я на ухо своей любимой женщине и не отказал себе в праве немножко прикусить мочку её ушка.

С круга я не ушёл, хотя и уступил его центр атаману.

— Иди. И коли будет воля моя, то слово дам тебе, а нет — так и послушаешь меня, — властным голосом говорил Тур.

Ну конечно! Бегу исполнить, аж падаю! Не для того я тут.

— Ты говори, атаман, но и мне есть что тебе сказать. Преступил ты правду Бродников. Пошто убийцу послал меня живота лишить? Сказал он мне, что это ты надоумил стрелять в меня из самострела тяжёлого, с круга, — не менее властным и грозным голосом ответил я.

— Не мог тебе никто сказать... Не взял ты е...

Вот и всё. Все красные линии пройдены. Обвинения прозвучали. Теперь, как говорится, или пан, или пропал. Но толпа всё ещё была на моей стороне. Им понравилось предыдущее зрелище. Бродники увидели мою мужнюю силу и то, что я ею не унижаю других. Ведь своего соперника назвал сильным и ещё и зла на него не держу никакого. Да и выпил с ним мёда. А процесс совместного распития спиртных напитков и в этом времени имеет для русского мужика какой-то сакральный смысл.

Впрочем, ещё и в Библии описывается сюжет, когда Ной в первый раз попробовал забродивший сок виноградной лозы. Быть пьяным рядом с другим — это словно бы открываться человеку, доверять ему. И страшное преступление совершил сын Ноя Хам, когда высмеивал своего пьяного отца.

Желваки на хромированном лице атамана заходили ходуном. Он кипел от ярости. Его воины сделали шаг в мою сторону.

— Вот ты и признался. Ты ведаешь о том что убийца ушел. Сам и признался. Так что... Уйди, атаман, отдай булаву и ступай с миром, — сказал я.

Зрители молчали в предвкушении. От экшена, боевика, может и с элементами комедии, к драме, в предвкушении трагедии. Сегодня может быть максимальное разнообразие жанров.

— Ты обвинил меня в том, чего я не совершал. За ложь покарать потребно, — прорычал Тур.

В этот момент я даже завидовал зрителям, которые только что смотрели один спектакль, а теперь сразу же, без антракта, началось другое представление, наполненное драматизмом, возможно и трагизмом, если с этого Круга придётся кого-то уносить вперёд ногами.

Толпа молчала, каждый хотел услышать не только слова, но и прочувствовать тот эмоциональный посыл, который мы, два актёра — я и Тур, — являли зрителям.

— Когда был я у тебя в гостях и когда хлеб с тобой надломил, за что благодарен тебе был и Господа Христа со старыми богами упомянул, кабы счастья тебе принесли. А после человек твой побежал к убийце, и убийца спрятался в кустах, и он направил на меня превеликий самострел, который, я уверен в том, многие узнают. Ибо таких мало, если и вовсе есть ещё у кого-нибудь, — громко, властно, решительно, не давая возможности вставить хоть слово, я сыпал обвинениями на атамана.

— Был у меня самострел от генуэзцев. Да скрали его уже давно, — нашёлся Тур.

Но тот, кто оправдывается, тот уже наполовину обвинён.

— А убийца тот, что стрелял, но попал в щит, — и всё это я покажу, и щит проломлен могучим болтом, — перед смертью своей он поведал мне, что это ты сказал убить меня, так как не хочешь, чтобы слова мои праведные люди Реки познали. Слов моих не желаешь, а в тройном размере выход принял от меня, — кричал я, следя за действиями двух десятков мужиков, которые обступили своего предводителя и недвусмысленно держались кто за эфес меча или сабли, а кто за топорыше.

— Ты не принёс мне в тройном размере выход! — явно теряясь от моего напора, выкрикнул атаман. — И не мог тебе никто говорить про меня.

— А разве не видели люди, что входил я в Броды с превеликим обозом? А нынче ни одной телеги у меня не осталось. Всё тебе отдал. Отдал, сперва покоряясь, думая, как и все здесь собравшиеся, что атаман у людей Реки нынче с честью, а не тать и вор, — выкрикнул я.

Сразу трое братков атамана двинулись в мою сторону. Я был в незавидном положении. Стоял лишь в одних портках. Но не пошатнулся, намереваясь принять этот бой, если на то будет необходимость.

Тут же в нашу сторону побежал мужик, которого я только что валял, а потом братался с ним. Он стал рядом со мной.

— Не по правде, атаман. Оступись. На Круге Малом разберем старшинами. Коли правду говорит этот человек, то... А лжу на тебя навеваешь, так смертью его казнить, — прорычал он, устремляя свой решительный и злой взгляд в сторону тех нукеров Тура, которые выдвинулись ко мне. — Но не самосуд ты учинять будешь. Не позволю.

— Браномир, не лезь туда, что тебе не по власти, — акцент атамана сместился на мужика.

Зря Тур так пренебрежительно отмахивается от этого бродника. Явно же Браномир далеко не последний в сообществе речных людей человек.

— У-гу-гу! — с таким криком приближался ко мне мой воспитанник.

Дюж, огромного вида мужик, пусть и с детским разумом, ещё и облачённый в перешитый для него доспех. Он, в своей манере, растопыривая ноги, шёл, чтобы стать рядом со мной или вовсе обрушиться на тех, которые были напротив и постепенно из соперников превращался во врагов. А ведь мог как бежать, так и сбить, словно бы кегли, ближних атамана.

Тур сделал шаг назад, потом понял, что проявляет малодушие, подался на два шага вперёд. А вот большинству из его воинов выдержки явно не хватало. Они впечатлились великаном, наверняка знали, на что способен этот огромный человек с мышлением ребёнка. Уверен, что на предыдущих Кругах Пласкиня не раз выставлял на бои своего тогда ещё раба, нынче моего воспитанника.

Всполошились и мои люди. В сверкающих доспехах, с крыльями за спиной, они резко ускорились. Шелест перьев, иногда переходящий в свист, привлёк внимание абсолютно всех. Нас разделяли метров двести. А выдюжим, почитай что против всех выстоять? События ускорились и точка невозврата, похоже, что пройдена.

От автора:

В 95-м его предал и убил лучший друг, но он не умер, а стал школьником в нашем времени. ВТОРОГОДКА Вышел 6й том: <https://author.today/work/519009> Убийце и предателю не позавидуешь, его жизнь несётся по наклонной, но этого недостаточно! Предстоит разделаться со всей преступной группой. И схватка будет жёсткой. Не на жизнь, а на смерть! Том 1 здесь: <https://author.today/work/470570>

Глава 5

Броды.

8 февраля 1238 года.

Я резко повернулся и поднял руку вверх, показывая тем самым, что моим людям стоило бы повременить с атакой.

Но когда я ещё разворачивался, отряд моих общинников уже начал притормаживать и останавливаться. Не знаю, кто сейчас командует — Мирон или Евпатий, — но приказ выдвинуться десятку бойцов был отдан своевременно. Своевременно же они и останавливались. Демонстрировали намерение и необычные свойства тех перьев, которые шелестели и посвистывали за спинами грозных витязей. Но это демонстрация. Атаку нам могут и не простить.

— Дюж, остановись! — приказал я своему воспитаннику, по большей степени желая показать, что контролирую эту, казалось бы, необузданную великую силу, что их себя представляет могучий человек Дюж.

Тур смотрел на меня ненавидящим взглядом. Так умеют смотреть дети, которые ссорятся за место на игровой площадке у дома, готовы драться за место у песочницы, но приходят взрослые дяди, родители других детей, и можно лишь только смотреть, глотать слюни, но ничего не поделаешь. Весовые категории неравные.

Тут же, расталкивая других Бродников, к своему предводителю, к Браномиру, с холма спускались и его люди.

Ситуация была не в пользу атамана. Я видел, что самое время проявить и свою власть, и добрую волю, и показать, что я сам лично из себя стою, не боюсь ни атамана, ни говорить людям слова свои.

— Пусть твои ратные отойдут, и я повелю своим отойти. Пусть не нарушится правда славных людей Реки. И коли потребно нам встретиться на Суде Божьем, то разделим с тобой Круг и выйдет из него лишь только один, — говорил я нарочито громко, чтобы слышали все.

Все собравшиеся должны знать, что именно я — поборник правды Бродников. Я чту эти законы и указываю на их несоблюдение тому, кто должен быть гарантом исполнения всех норм, правил, обычаев и законов, что приняли на себя Бродники.

— Уйдите с круга! — решительно сказал атаман.

Его люди тут же, с особенным рвением, исполнили волю предводителя. Вряд ли большинству из них сильно нравилась ситуация, где они в проигрышном положении. Да еще и великан рядом, готовый раскидать всех.

— Браномир, спаси Христос и пусть не забудут тебя старые боги, но я прошу тебя, как мужа, коего я всем сердцем назвать своим братом желаю, оставь нас. Нынче это мой Круг, — сказал я, взял своей ладонью плечо одного из предводителей отрядов Бродников, притянул его к себе и обнял.

Скоро мы вдвоём с Туром остались в круге. Глаза в глаза. И я видел, что передо мной человек, который и решительный, и верит в свою правду, атаман убеждён, что именно я нарушитель спокойствия и, возможно, тот, кто поведёт людей на гибель.

Можно опять возвращаться к тому вопросу, ответ на который у меня один: «Мы не рабы, рабы — не мы!» Как викинги, как другие грозные воины, я предпочитаю умереть с мечом в руке, чем сгнить в кандалах или от побоев ордынцев. У других иные мысли? Так покоряйтесь! Мне, таким, как я. Ведь рабу нужно только то, чтобы хозяин был не злой. Я не злой. Накормлю, даже трогать не стану.

— Быть Кругу! — выкрикнул атаман. — Трое на трое, смертным боем. Как по правде нашей, славных людей Реки. Я буду биться за свою правду, за то, чтобы вы жили и выжили ваши жёны. Чтобы народ речников не канул в реку Лету.

Я не перебивал атамана. Уверен, если бы это сделал, то несколько уменьшил пока ещё растущий рейтинг среди полуразбойничьего электората. Пусть он скажет свою правду, а я скажу свою.

— И я принимаю вызов на суд Божий и стану в Круг. За свою правду, За честь и достоинство свои, что лучше сложить буйную голову чем жену свою отдавать врагу. Чем дочерей своих подкладывать под молодых отроков вражых. Чем отдавать последнее, что есть в доме и детей обрекать на голод. Но самое главное — честь и достоинство Бродников... Этим не торгуют. И не будет речным мужем тот, кто покорился и голову склонил. Он лишь будет бабой, и так может случится, что враг спутает такого слабого труса с другой бабой, — выкрикивал я, задевая людей явно за живое.

Можно сколько угодно бить себя в грудь, кричать, что Бродники – славные. Но если этой славы нет, если есть позор поражений, если приходится каждому встречному воину с азиатской наружностью гнуть спину, терпеть, когда он прямо на глазах будет «пользовать» жену — не знаю, кем нужно быть, чтобы промолчать на это. Уж точно не мужчиной.

Ещё и напугал, что ордынцы могут спутать такого слабого мужа с бабой... Пусть в этом времени семейные ценности — крайне размытое понятие, хотя они точно присутствуют. Но то, что и сейчас, как и в будущем, в России определённые извращения запрещены — факт. И каждого мужика можно пугать этими извращениями. Убоится пуще врага страшного.

Что ж, слова сказаны. Гора нынче, на которой сидят бродники, словно бы тот пчелиный улей, растревожена. Люди переговариваются друг с другом, сплошной неразборчивый гул доносится от смущённых бродников.

Наверняка найдутся те, кто будет во многом сомневаться. И сомнения эти продлятся только лишь до того момента, когда кто-то из нас с Туром останется в живых, а другой убитым лежать на талом снегу.

Ведь в этом времени поединок считается Судом Божиим. И считается, что именно Господь Бог или старые боги решают, кому побеждать. Оттого и выходит: за победителем всегда правда.

Три на три... У бродников число “три” почему-то считается сакральным, хотя я среди них не наблюдаю верящих в Святую Троицу. Тем более что до реформы Никона ещё далеко, и крестятся все двоеперстием. Но не время думать, почему именно три.

Время думать, кого я ещё выставлю рядом с собой. Впрочем, несмотря на то, что в моём отряде все достойные воины, двое из них всё же больше мне помощники, чем остальные.

Обидно будет всё-таки умирать. Надеюсь, что хоть что-то я уже успел сделать в этом времени. Впрочем, в сторону сомнения!

Я решительно посмотрел в глаза Туру. Что ж, теперь придётся показывать свои навыки владения мечом.

— Я принимаю твой вызов и нынче же облачусь в броню, и тогда...

— Бой будет смертным. Лишь только нагие тела и оружие, без щитов, — с обречённой решительностью говорил Тур.

Я чуть было не стушевался. Действительно, мужик идёт ва-банк.

— И без Дюжа! — прошипел атаман, но так, чтобы слышал только я.

— Без Дюжа? А вот это указывать ты не вправе, — ответил я, а потом ещё повернулся к холму и обратился к бродникам: — Атаман решил удалить одного из моих ратных, требует, как бы я заменил одного воина своего. Вправе ли он на то, люд честной?

Гул недовольства был мне ответом. А людям нравится, когда у них спрашивают и когда они сами определяют, кто прав, а кто виноват. Толпа — она такая.

Туру ничего не оставалось делать, как подчиниться мнению большинства. Более того, я видел в этом человеке решимость не победить, а скорее умереть с честью, в бою. Он все больше смотрит на происходящее, как смертью своей не допустить собственного поругания и позора.

Вопреки всему, даже тому, что на меня совершенно точно было покушение, я невольно проникался уважением к атаману. Ведь, по сути, он готов умереть за свои убеждения. Считает, что единственно верным решением будет сохранять бродников в ордынской воле.

Это не моя позиция. Но если человек не трус, если он готов до смерти биться за свои идеалы, и если эти идеалы хотя бы немного, но наполнены идеями гуманизма, это подкупает. Другое дело, если человек фанатично борется за безоговорочно преступную идеологию.

Но ведь и у меня есть своя правда.

Дюж разделся. М-да... Он, конечно, всё ещё с изрядным количеством жира, но раздетым до пояса кажется ещё больше и страшнее. Волосатый-то какой! Вот и верь, что неандертальцы вымерли. Впрочем, эти древние люди были и ниже и по-жиже.

Я заметил, как один из воинов атамана отказывается участвовать в Божьем суде. Трус? Или не согласен со своим атаманом? Пока это личное дело воина, ну и атамана. Все после, буду разбираться кто есть кто, если... когда выживу.

— Ратмир! Что на груди у тебя? — выкрикнул один из “зрителей”.

Рассмотрели, значит, наконец, мой шрам.

— То я был почитай, что убит, но выжил, и сразил четверых ордынцев, – выкрикивал я.

Вот пусть и думают. Люди и в будущем склонны верить порой в то, что уже принято ложью. А многие, так и в мистику подаются. Что уж говорить про нынешних хроноаборигенов.

И тут стал раздеваться Коловрат. Его поджарое, покрытое свежими шрамами тело должно вызывать уважение. Было видно, что человек буквально недавно побывал в таких передрягах, из которых можно выйти живым только по Божьей воле.

— Это Евпатий! Коловрат жив! Я был с тобой на Плешивой горе! — выкрикнул кто-то с горы. – Я бился рядом!

Я прищурился, напряг зрение, кто же там узнал Коловрата. Вряд ли, конечно, я этого человека сам буду знать. Но мне было интересно, во что облачен этот человек, потенциальный мой сподвижник.

И да, не совсем аргументированное моё предположение, что среди бродников могут быть воины, которые не только знают Коловрата, но и состояли в его отряде, оказалось не просто надеждой, а реальностью.

Жаль, что я не такой узнаваемый. А узнавшие боярина люди необязательно могли быть рязанцами. Насколько я знал, в его отряде больше половины людей были и вовсе не из Рязанской земли.

— Боярин, как думаешь построить бой? — спросил я у Евпатия.

Собственные идеи, несомненно, присутствовали. И главное – я должен честно, или относительно честно, но сразить Тура лично.

Если бы события происходили в далёком будущем, то вряд ли мне было бы интересно мнение Коловрата. Но в этом мире сложно найти более опытного поединщика и воина, чем Евпатий. Так что его мнение, если оно не будет сильно разниться с тем, как я предполагаю построить бой, будет определяющим.

— Биться только в паре с тобой. Дюж, словно секирой, отрубает ветки, повинен отрубить от нас иных двоих. Ну а мы с тобой возьмём того, кто будет один. Сперва одного убить, после взять по одному нам с тобой. Показывай, что рубить станешь, а я колоть буду, — раскладывал желательную картину боя Коловрат.

Бой начался, и сразу стало понятно, что противник распределил на каждого из нас своего соперника. Но не тут-то было. Своей огромной дубиной, чуть ли не в полтора метра длиной и тяжёлой, Дюж махал в разные стороны, не пропуская Тура и ещё одного бойца к нам с Коловратом.

Практически оставшийся один, третий противник попытался сбежать, но я оказался у него на пути. Он делает замах сверху, я подставляю свой меч, удар приходится на мой клинок.

Но в это время Коловрат, словно бы садясь на шпагат, выбрасывает вперёд ногу и, работая своим мечом словно шпагой, прокалывает противника. Меч боярина вонзается в брюхо врага. Тот опускает руку с саблей, и я тут же наношу рубящий удар в ключицу мужика. Что-то хрустит, кости ломаются, меч немного соскальзывает к шее и разрезает её.

Минус один у противника.

— Бери Тура! — выкрикнул я, обходя продолжавшего махать в разные стороны своей дубиной Дюжа.

Прекрасно понимаю, что Тур может оказаться мне не по зубам, наверняка он матёрый боец. Однако у меня ведь выбора нет. Общество такое, система такая: хочешь управлять этими мужиками — будь не просто достойным воином, будь лучше их, смелее их, решительнее и изворотливее их.

Евпатий уже начинает кружиться со своим противником. Там тоже явно боец не подарок. Краем глаза, пока я приближался к Туру, увидел, что две комбинации Коловрата были отражены его оппонентом.

— Зачем ты пришёл? Зачем ты здесь? — приговаривал Тур, делая два ложных движения.

Он показывал, будто собирается нанести удар сверху, но я словно бы чувствовал его мышцы, не дающие дальнейший ход руке. Или глаза выдавали моего соперника: он смотрел туда, куда хочет бить. Движения Тура угадывались.

Я молчал. Атаман продолжал говорить и хотел вызвать во мне какую-то эмоцию. Скоро он начал меня оскорблять. Наверняка подобный подход не раз отработывал на поединках, в которых участвовал Тур. И сейчас я должен разъяриться и начать совершать необдуманные действия.

— Не вмешивайся! — грозно сказал я своему воспитаннику, когда он поравнялся со мной и уже вознамерился продолжить махать своей дубиной.

Не успели ещё сделать достойный двуручный меч Дюжу. Что-то не получается у кузнецов. А так смотрелся бы и вовсе эпически.

— Так что, в портки наделал, испугался меня?! — говорил атаман, прискоком стараясь зайти сбоку.

Он кружил вокруг, а я только лишь, словно был оловянный солдатик, повиновавшийся воле мальчишки, играющего в солдаты, поворачивался следом. Внутри не бушевала никакая эмоция. Сосредоточенность и внимание.

И, похоже, что атаман, стараясь вывести меня на злость и необдуманные действия, сам приходил в ярость.

— А-а! — раздался истошный крик сбоку.

Евпатий всадил меч в грудь своему противнику. Я отвлёкся. Тут же последовала атака от Тура. Держа меч впереди, он попробовал почти без замаха ударить мне по руке. Сложный для парирования удар, но я крутанулся на одной ноге и смог подставить свой клинок.

Два металлических изделия, два меча, встретились и словно бы спаялись друг с другом. Тур продавливал мой клинок, лезвие его меча находилось уже рядом с моим лицом.

— Бум! — моё колено ударилось в пресс атамана, хотя метил ниже, чтобы наверняка.

Явно находил время для занятий и тренировок: пробить пресс мне не удалось, но он пошатнулся. Меч в руках Тура чуть ослаб. Я с силой отталкиваю его и тут же заново свой клинок для удара.

Показываю, что удар намерен наносить в голову, но бью по ноге, рассекая ткань штанов и добираясь до плоти. До кости разрезать не получилось, но всё равно мясо подрезал ему изрядно.

Отстраняюсь, делаю два шага назад. Противник прихрамывает на ногу. Видно, что тужится не показать последствий своего ранения, но я вижу, что передо мной теперь не лютый зверь, а подранок.

И раненый хищник тоже опасен. Но животное в ярости человеку только усложняет процесс убийства. Человек, когда подранен и в ярости, действует достаточно предсказуемо.

Тур сближается со мной, прихрамывая, и занесённый меч атамана вынужденно дёргается. Вижу, что он собирается всю свою силу вложить в, возможно, последний удар.

Резко, максимально, сближаюсь с ним. Словно бы в замедленной съёмке замечаю, как опускается меч. Но мои плечи уже там, где рукоять меча Тура. Его кисть ударяется о моё плечо. Он пробует повернуть меч и полосонуть все же мне спину, я же в это время выбрасываю руку со своим клинком в сторону и, показавшись словно бы неуклюжим, протыкаю бок Тура.

Можно было его оттолкнуть, но я понимаю, что в таком случае меч противника, всё ещё находящийся за моей спиной, обязательно полоснёт меня по плечу. Я подныриваю под руку противника, захожу за спину. Ранение Тура не позволяет ему тут же повернуться ко мне, и я протыкаю со спины его тело.

Атаман падает на колени, меч остается торчать в поверженном противнике. Раненая нога Тура не выдерживает такой нагрузки, подламывается, и он заваливается на притоптанный, смешанный с грязью снег.

Нависаю над противником. Не спешу его убивать. И нет, я не играю с толпой, не набиваю себе очки шоумена. Я смотрю в глаза этому человеку.

— Не погуби людей! — решительно говорит мне атаман.

Я выдёргиваю свой меч из его спины и тут же протыкаю своего врага в грудь. В сердце человека, который до конца стоял за свои принципы и который хотел добра людям, за коих отвечал. Но у него своя правда, а я за свою правду ещё имею шанс героически умереть.

Вот только победой будет не моя смерть, даже если в этот момент я буду видеть, как умирает последний ордынец на русской земле. Победой будет моя жизнь.

«Трибуны» замерли. Никто не смел сказать ни слова. То, что только что казалось спектаклем, закончилось трагедией реальной жизни. Наверняка думают, что их ждет впереди. Был атаман, он решал за всех, а теперь?

Я распрямился. Направился в сторону холма. Подошёл максимально близко к бродникам, которые всё ещё безмолвствовали.

— Пойдёт ли кто-нибудь за меня и за боярина Коловрата? Готов ли кто жизни свои отдать, но не быть трусливым рабом, продавая своих женщин завоевателям? — чуть отдышавшись, кричал я.

— Я пойду за тобой! — первым выкрикнул Браномир. — Я сам был готов сегодня вызов бросить Туру. Нету мочи у меня спину гнуть. Хрустит она шибко, видать старый я.

Многие засмеялись.

А Браномир, как и его люди, уже спустившиеся к подошве холма, пошли в мою сторону.

— Я за тобой, за Коловратом! — выкрикнул ещё один ратник, тот, который первым узнал боярина.

И с ним спускались десяток воинов, в основном облачённых в длинные кольчуги. Скоро спускались и другие.

— У нас новый атаман! — закричал Мирон, неожиданно оказавшийся в самом центре рассеявшихся по склону холма людей.

Выкрики тут же стали перенимать и другие бродники.

Да! Я стал атаманом бродников. Надолго ли? Жизнь покажет. Быстротечная жизнь в борьбе и любви — она многое покажет. Но даже если эти люди в скором времени погибнут за идеалы русской свободы и воли, то они точно сумеют стать примером для будущих поколений.

А ещё я обязательно произведу большое количество листов бумаги и буду распространять легенду о Коловрате, легенду о ратнике Ратмире, ставшем атаманом людей Реки. Буду взывать к чувствам русичей. Пусть в будущем найдут эти бумаги, даже если я кану в Лету,

пусть прочтут их. И тогда, может, на Куликовом поле, или на каком другом, под рукой решительного князя окажется куда как больше сильных, мотивированных, обученных ратников.

Мне нужно очень многое написать. Многое — пока не пришли ордынцы наказывать меня и моих людей за то, что предпочитаем не быть рабами.

— Мы не рабы! Рабы — не мы! — орал я, надрывая голосовые связки.

Уже в третий раз я повторил этот девиз, и вот наконец он был подхвачен другими людьми. Воодушевлённые, все кричали, все верили, все были готовы хоть бы и жизни свои сложить за великую идею.

Насколько этой готовности хватит, покажет время и события. Но если бы я прямо сейчас сказал, что мы идём воевать с ордынцами, то уверен, что большая часть собравшихся людей пошла бы за мной, не раздумывая больше. Но мы не можем наступать. А вот создать такую оборону, чтобы нас было тяжело сковырнуть, — вот это под силу. Вот этим нужно заниматься прямо сейчас.

— Мы не рабы, рабы — не мы! — кричали люди, и эхо разносило эти слова на вёрсты вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.